

УДК 343.341.2

Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии**Рыбушкин Н.Н.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Дунин О.Н.

Кандидат юридических наук,
ассистент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии установлена действующим УК РФ с 01.04.2019 г. Толкование данной нормы вызывает трудности у правоприменителя ввиду ее новизны и особенностей юридической техники, используемой при конструировании данного состава, который содержит признаки объективной стороны, закрепляющей скорее признаки субъекта, чем признаки деяния. Целью исследования выступает определение признаков объективной стороны занятия высшего положения в преступной иерархии признаваемых таковыми в судебной практике, в доктрине, предложение авторской характеристики признаком объективной стороны данного состава преступления. Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии может выражаться только в совершении активных действий, к числу которых могут быть отнесены: урегулирование споров между ОПГ, сбор денежных средств на нужды преступного мира, дача указаний лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, организованная преступность, вор в законе, положенец

Организованная преступность была и остается одним из серьезнейших вызовов для безопасности общества и государства, а одним из приоритетных направлений противодействия организованной преступности выступает совершенствование уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за различные формы организованной преступной деятельности. Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодей-

ствия организованной преступности» Уголовный кодекс РФ был дополнен новой ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» [1], которая, с одной стороны, значительно расширила возможности государства по уголовно-правовому противодействию организованной преступности, а с другой – поставила перед теорией и практикой целый ряд принципиально новых вопросов, вызванных к жизни определенным новаторством в юридической технике, примененной законодателем при формулировании рассматриваемой новеллы.

Основанием уголовной ответственности, в соответствии со ст. 8 Уголовного кодекса РФ, является совершение *деяния*, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, и именно в форме деяний сформулированы объективные стороны всех составов преступлений особенной части действующего уголовного закона. Формулировка же «занятие высшего положения в преступной иерархии», по крайней мере, на первый взгляд переносит акцент на *деятеля*, что противоречит целому ряду принципиальных положений, на которых основывается Уголовный кодекс РФ: от основания уголовной ответственности до смещения от психологической теории вины к концепции опасного состояния личности. Комментируя указанный сдвиг, В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков отмечают, что в современных условиях в угоду прагматизму законодатель начинает отходить от традиции, когда «статус (*занятие высшего положения*) становится организующим фактором и приобретает общественную опасность». Раскрывая данное положение, авторы начинают с толкования данной нормы в более традиционном, сглаженном прочтении, перенося акцент на поведение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, отмечая, что такое положение проявляется в управленческой деятельности, выполнении третейских функций и проч., однако в дальнейшем приходят к выводу, что для наступления ответственности достаточно пассивного наличия статуса, обладания реальной возможности оказывать влияние на организованную преступную деятельность [2, с. 467].

Думается, с последним заключением едва ли следует соглашаться, по нашему мнению, потенциальная *возможность* совершения деяния ни в коем случае не может составлять объективную сторону какого бы то ни было преступления, поскольку такая трактовка расширяет основания уголовной ответственности, полностью перечеркивая требования ст. 8 Уголовного кодекса РФ.

Следующая проблема, вытекающая из признания наличия одного лишь статуса в качестве достаточного основания уголовной ответственности, – проблема с определением времени совершения деяния и обратной силой уголовного закона, следствием подобной трактовки выступает признание преступным наличие статуса занятия высшего положения в преступной иерархии, который мог быть приобретен задолго до вступления в силу ст. 210.1 Уголовного кодекса РФ.

На появление в российском уголовном законе ст. 210.1, по всей видимости, оказал влияние грузинский опыт противодействия воровскому сообществу. В 2006 г. в Уголовный кодекс Грузии была внесена ст. 223.1, которая установила уголовную ответственность в том числе за следующее деяние: пребывание лица в положении «вора в законе» [3].

Примечательно, что представители воровского сообщества, несмотря на декларируемый принцип отказа от сотрудничества с правоохранительными органами, пытались в судебном порядке оспаривать конституционность уголовно-правового запрета. Однако Европейский суд по правам человека не обнаружил противоречий между ст. 223.1 УК Грузии и нормами международного права [4].

Определенные трудности у специалистов уголовного права вызывает толкование самой категории «высшее положение в преступной иерархии», поскольку данный термин относится к категориальному аппарату скорее криминологии, чем уголовного права. С.Д. Белоцерковский напрямую относит к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии «воров в законе»¹, помимо них в преступную иерархию, по его мнению, включаются «положенцы» и «смотрящие» [5, с. 13]. С.В. Кондратюк же и вовсе определяет занятие высшего положения не в качестве статуса, а в качестве определенной процедуры «подготовки и проведения собрания (воровской сходки), на котором претенденту присваивается статусное положение в преступной иерархии» [6, с. 10].

Толкование ст. 210.1 УК РФ невозможно без уяснения содержания категорий «вор в законе», «положенец», «смотрящий». Воры в законе представляют собой специфическую категорию профессиональных преступников, обладающих высоким уровнем влияния в преступном мире. Важнейшим отличительным признаком лиц данной категории выступает то обстоятельство, что источником их авторитета выступает не принадлежность к конкретной ОПГ, а личностные качества, проявленные, как правило, в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы и признаваемые иными представителями профессионального преступного мира. Статус вора в законе первоначально присваивается в результате «воровского подхода», то есть признания лица в качестве вора несколькими другими ворами, данный факт доводится до сведения иных представителей преступного мира, после чего запускается процесс признания либо непризнания нареченного вора в качестве такового.

На данном этапе большое значение имеют авторитет воров, совершивших «воровской подход», принадлежность их к определенным воровским кланам (воры из враждебных кланов могут не признавать вора, коронованного своими оппонентами), личные качества нового «вора в законе» и его известность в криминальном мире. Нередки ситуации, когда относительно конкретных персоналий в воровском мире отсутствует консенсус: является данное лицо «вором в законе» либо же не является.

¹ Следует отметить, что сами представители преступного сообщества не употребляют словосочетание «вор в законе», ограничиваясь категорией «вор».

Таким образом, принадлежность статуса «вора в законе» даже в рамках преступного мира не подлежит однозначному установлению, тем более что статус «вора в законе» может слагаться либо путем самоотвода, либо, как правило, путем принудительного лишения. Думается, столь неопределенная категория не может закладываться в качестве криминообразующего признака.

Не лучше обстоят дела и с так называемыми «положенцами» и «смотрящими», если «положенцы» представляют собой назначенных ворами временно замещающих их функции в отсутствии самих воров, то статус «смотрящего» представляет из себя скорее должность, чем звание, и значимость данного статуса сильно зависит от значимости той сферы, администрирование которой собственно «смотрящий» и осуществляет. «Смотрящие» за городами и крупными исправительными учреждениями, безусловно, могут претендовать на занятие высшего положения в преступной иерархии, чего нельзя сказать про «смотрящего» за конкретной улицей или поселком.

Следует отметить и тот факт, что в криминальном мире России не на всех территориях одинаково присутствовало влияние «воров в законе». Например, в Казани влияние воровского сообщества в 80–90-е гг. было достаточно ограниченным, а общее положение в преступной иерархии определялось не столько признанием в воровской среде, сколько личным авторитетом и влиянием стоявшей за конкретным лидером ОПГ.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что, по нашему мнению, занятие высшего положения в преступной иерархии есть не обладание конкретным статусом с априори трудноопределимыми границами, а совершение определенных действий, в которых и находит свое отражение влияние и власть конкретного лица в криминальном мире.

В доктрине уголовного права сформулированы различные позиции относительного того, какие конкретно действия могут совершать лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии. А.В. Рагулин и В.В. Фефелов отмечают, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, осуществляет руководство конкретной преступной организацией [7, с. 70]; Д.А. Григорьев добавляет к вышперечисленным наличие криминального «звания», деятельность по управлению кассой – «Общак», наличие криминальных связей [8, с. 54–55]; О.В. Безлепкина и Р.Б. Границкий относят к компетенциям лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, пропаганду специфических «воровских» ценностей [9, с. 133]; А.В. Сенатов перечисляет среди прочего распределение сфер преступного влияния и разрешение конфликтов между членами преступных организаций [10, с. 78]; Е.В. Косьяненко и М.С. Кармановский отмечают возможное наличие статусных татуировок [11,

с. 69]; И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина констатируют отсутствие в науке и практике единых критериев для отнесения лиц к категории занимающих высшее положение в преступной иерархии [12, с. 167].

Представляется, что простого руководства организованным преступным формированием, координации действий различных организованных групп, участия в разделе сфер влияния еще недостаточно для признания наличия статуса высшего положения в преступной иерархии, поскольку данное деяние вполне охватывается ч. 1 ст. 210 УК РФ, равно как не означает наличие подобного статуса факт участия в собраниях организаторов ОПС, ответственность за которое установлена ч. 1.1 ст. 210 УК РФ.

Вынесение занятия высшего положения в преступной иерархии в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 за пределы сугубо организаторских функций свидетельствует о некотором «довеске» к простой организационной деятельности, который, по замыслу законодателя, и выступает криминообразующим признаком занятия высшего положения в преступной иерархии. Следует отметить, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, по нашему мнению, может и вовсе не принадлежать к конкретному организованному преступному формированию (группировке).

Несмотря на указанные выше трудности с толкованием признаков «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии», суды достаточно охотно выносят приговоры по ст. 210.1 УК РФ.

Так, по делу гражданина Н., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, суд усмотрел следующие признаки, характеризующие его как занимающего высшее положение в преступной иерархии: «Н. ... лицом в статусе “вора в законе” был признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, так называемым “положенцем”, за которым определена зона преступного влияния в пределах территории Республики Татарстан». Данная информация была доведена до представителей криминального мира «прогонами». Также статус гражданина Н. подтверждался специфическими татуировками. В процессе осуществления полномочий положенца Н. назначал «смотрящего за общим» – человека, ответственного за обеспечения осужденных в исправительных учреждениях продуктами и сигаретами; урегулировал конфликт между группировками «Суконовские» и «Высотовские»; организовывал сборы денежных средств в «общак»; участвовал в защите интересов осужденных ИК-5, с которых осуществлялись сборы в пользу иного «вора в законе»; принимал участие в разрешении конфликта между группировками «Мебелька» и «БСР» [13]. Нетрудно заметить, что часть признаков характеризуют только пассивный статус лица, а часть находит отражение в конкретной деятельности.

Такая же двойственность признаков, характеризующих пассивный статус и характеризующих отдельные действия, содержится в следующем деле. Подсудимый К. был признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, выполняя следующие функции: обеспечение безнаказанности преступной деятельности криминальных групп и участников уголовно-преступной среды путем устрашения, дискредитации неугодных лиц, установления и поддержки коррупционных связей; выступление в качестве третейского судьи при разрешении споров между представителями уголовно-преступной среды; аккумулярование и учёт преступных доходов, контроль, обеспечение пополнения и распределение «общака» и др. Среди прочего К. своими указаниями прекратил голодовку осужденных, наладил снабжение осужденных сотовыми телефонами. Согласно показаниям свидетелей, именно К. контролировал «зону» и отсылал «прогоны», его мнение было главенствующим, а требования для осужденных обязательны для исполнения. Также подсудимый обладал статусом «вора в законе», что подтверждал лично, имел специфические татуировки (парное изображение многоконечных звезд, в центре которых имеется изображение разностороннего креста, заключенного в круг, от которого исходят двенадцать лучей разной длины) [14].

В некоторых случаях, как представляется ошибочно, суд признает лицо виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, не за совершение конкретного деяния, а за признание наличия статуса – высшего положения в преступной иерархии. Так, Д. был признан занимающим высшее положение в преступной иерархии на основании наличия татуировок в виде восьмиконечных звезд, наличия криминальной клички и признания в том, что он является «вором в законе» [15]. Думается, что такая трактовка занятия высшего положения в преступной иерархии как «чистого» статуса грубо нарушает требование ст. 8 УК РФ, согласно которому только совершение *деяния* является основанием уголовной ответственности.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, следует подразделить на две группы. Во-первых, признаки, характеризующие субъекта преступления: факт назначения «вором в законе», наличие характерных татуировок, «прогоны», доводящие информацию о статусе до представителей преступного мира, личное. Данные признаки характеризуют социальный статус лица, не находят выражение в совершении деяния, и поэтому их наличия недостаточно для признания лица виновным в совершении преступления. Во-вторых, признаки, характеризующие объективную сторону: участие в разрешении споров между группировками, назначение помощников, сбор де-

нежных средств на «общее», пропаганда «воровской идеологии», дача указаний лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Данные признаки выражаются в совершении конкретных деяний, и именно совершение данных деяний должно квалифицироваться по ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Литература:

1. Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СПС Консультант.
2. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 465–476.
3. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2018. – № 2 (55). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-borby-s-organizovannoy-prestupnostyu-v-gruzii> (дата обращения: 08.05.2024).
4. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 5554/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 11.
5. Белоцерковский С.Д. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 9–14.
6. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дисс. ... канд. юрид. – Тольятти, 2022. – 255 с.
7. Рагулин А.В., Фелелов В.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 67–70.

8. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-opredelit-litso-zanimayushee-vysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii> (дата обращения: 13.05.2024).
9. Безлепкина О.В., Границкий Р.Б. Проблемные вопросы практического применения ст. 210.1 УК РФ // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7 (187). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-prakticheskogo-primeneniya-st-210-1-uk-rf> (дата обращения: 08.05.2024).
10. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Вестник Кузбасского института. – 2020. – №1 (42). – С. 75–79.
11. Косьяненко Е.В., Кармановский М.С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Научный портал МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 66–70.
12. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex Russica. – 2020. – № 10 (167). – С. 159–168.
13. Приговор Верховного суда Республики Татарстан по Уголовному делу № 2-22/2021 от 25 марта 2022 г. – URL: https://vs-tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=1641887&case_uid=926e3f6f-eeb5-41ea-8707-215574a9cc8c&delo_id=1540006
14. Приговор Саратовского областного суда от 30 ноября 2021 г. по делу № 2-15/2021. – URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18506365&case_uid=ba0e4aad-064f-4902-bc41-520b4bf33188&delo_id=1540006
15. Приговор Московского городского суда 18 ноября 2021 г. по делу № 2-19/21 // Документ опубликован не был.

The Actus Reus of Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy

*Rybushkyn N.N., Dunin O.N.
Kazan (Volga Region) Federal University*

Responsibility for occupying a higher position in the criminal hierarchy has been established by the current Criminal Code of the Russian Federation since 01.04. 2019. The interpretation of this norm causes difficulties for the law enforcer due to its novelty and the peculiarities of the legal technique used in the construction of this composition, which contains signs of the objective side, which consolidates the characteristics of the subject rather than the signs of the act. The purpose of the study is to determine the signs of the objective side of occupying a higher position in the criminal hierarchy. The objectives of the study are: identifying signs of the objective side of the occupation of the highest in the criminal hierarchy recognized as such in judicial practice, in doctrine, proposing the author's characterization as a sign of the objective side of this crime. The objective side of occupying a higher position in the criminal hierarchy can only be expressed in the commission of active actions, which may include: resolving disputes between organized crime groups, collecting funds for the needs of the criminal world, giving instructions to persons serving sentences in prisons.

Key words: a person occupying the highest position in the criminal hierarchy, organized crime, thief in law, poser

